

Дубова М. А. Средства лексической репрезентации пространственного континуума в ранних рассказах И. А. Бунина / М. А. Дубова, Н. А. Ларина // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 191—212. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-191-212.

Dubova, M. A., Larina, N. A. (2021). Means of Lexical Representation of Spatial Continuum in Early Stories of I. A. Bunin. *Nauchnyi dialog*, 10: 191-212. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-191-212. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-191-212

Средства лексической репрезентации пространственного континуума в ранних рассказах И. А. Бунина

Дубова Марина Анатольевна¹

orcid.org/0000-0001-6906-1002

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и литературы
dubovama@rambler.ru

Ларина Надежда Альбертовна²

orcid.org/0000-0002-1965-8705

доктор филологических наук, профессор
кафедры теории и практики
периодической печати
larina-n-a@mail.ru

¹ Государственный социально-гуманитарный университет
(Коломна, Россия)

² Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова
(Москва, Россия)

Means of Lexical Representation of Spatial Continuum in Early Stories of I. A. Bunin

Marina A. Dubova¹

orcid.org/0000-0001-6906-1002

Doctor of Philology, Professor, Department
of Russian Language and Literature
dubovama@rambler.ru

Nadezhda A. Larina²

orcid.org/0000-0002-1965-8705

Doctor of Philology, Professor, Department
of Theory and Practice of Periodicals
larina-n-a@mail.ru

¹ State University of Humanities
and Social Studies
(Kolomna, Russia)

² A. S. Griboedov Institute
of International Law and Economics
(Moscow, Russia)

© Дубова М. А., Ларина Н. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о способах создания пространственного континуума в ранних рассказах И. А. Бунина «На чужой стороне», «На хуторе» и «На Донце», объединенных единым принципом номинации и вошедших в первую книгу прозы писателя «На край света» (1897 г.). Семантика заглавия актуализирует пространственную составляющую авторской языковой картины мира, что и определило путь лингвостилистического анализа языкового материала рассказов. Особое внимание авторами уделяется средствам лексической репрезентации пространства как одной из базовых лингвокогнитивных категорий. Новизна исследования состоит в том, что выявлен, систематизирован и описан языковой материал, позволяющий определить индивидуальные авторские особенности в создании пространственного континуума ранних рассказов И. А. Бунина. Актуальность исследования обусловлена обращением к проблемам когнитивной лингвистики. На основе статистического, описательного и лингвокогнитивного методов анализа авторы выявляют и описывают средства лексической репрезентации пространственной модели, созданной в рассказах И. А. Бунина, которую характеризует четкая структурированность и индивидуальность авторского подхода. В ходе проведенного исследования авторы приходят к выводам, позволяющим охарактеризовать особенности построения пространства в ранних рассказах писателя с учетом индивидуальных особенностей авторского миромоделирования, а также проанализировать лингвистические параметры идиостиля И. А. Бунина.

Ключевые слова:

пространственный континуум; языковая картина мира; И. А. Бунин; На чужой стороне; На хуторе; На Донце.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of ways of creating a spatial continuum in the early stories of I. A. Bunin “On the wrong side”, “On the farm” and “On the Donets”, united by a single principle of nomination and included in the first book of the writer’s prose “To the end of the world” (1897) is considered in the article. The semantics of the title actualizes the spatial component of the author’s linguistic picture of the world, which determined the path of linguistic and stylistic analysis of the linguistic material of stories. The authors pay special attention to the means of lexical representation of space as one of the basic linguo-cognitive categories. The novelty of the research lies in the fact that the language material has been identified, systematized and described, which makes it possible to determine the individual author’s characteristics in the creation of the spatial continuum of I. A. Bunin’s early stories. The relevance of the study is due to the appeal to the problems of cognitive linguistics. On the basis of statistical, descriptive and linguo-cognitive methods of analysis, the authors identify and describe the means of lexical representation of the spatial model created in the stories of I. A. Bunin, which is characterized by a clear structuredness and individuality of the author’s approach. In the course of the study, the authors come to conclusions that make it possible to characterize the features of the construction of space in the early stories of the writer, taking into account the individual characteristics of the author’s world modeling, and also to analyze the linguistic parameters of the idiosyle of I. A. Bunin.

Key words:

spatial continuum; linguistic picture of the world; I. A. Bunin; On the wrong side; On the farm; On the Donets.

Средства лексической репрезентации пространственного континуума в ранних рассказах И. А. Бунина

© Дубова М. А., Ларина Н. А., 2021

1. Введение

Современное научное знание характеризуется антропоцентризмом, основу которого составляет принцип изучения языка как результата ментальной деятельности человека, с одной стороны, и как средства репрезентации его мыслительного дискурса — с другой, иными словами, по мнению Ю. С. Степанова, язык понимается как «семиотическая система, основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом» [Степанов, 1998, с. 50]. Подобный подход, без сомнения, позволяет значительно расширить горизонты лингвистических исследований, что и было осуществлено, в частности, когнитивной лингвистикой — наукой, которая занимается изучением «когниции в ее языковом выражении» [Болдырев, 2015, с. 10]. К важнейшим принципам когнитивизма относится «трактовка человека как субъекта, ... активно воспринимающего и продуцирующего информацию» [Маслова, 2011, с. 7]. Именно следствием когнитивной деятельности человека является создание мыслеобразов, иллюстрирующих то, что индивид думает о мире. Исходя из сказанного, актуальность данного исследования определяется обращением к одному из базовых понятий когнитивной лингвистики — языковой картине мира и категории пространства как её компоненту. Как известно, модель мира в любой культуре состоит из набора универсальных концептов, соотношение которых и создает индивидуальную специфику. В самом общем смысле языковая картина мира понимается исследователями как «закрепленные в языке способы, процессы и результаты концептуализации действительности, совокупность знаний о мире, способов их получения и интерпретации» [Яковлев, 2017, с. 6].

Не вызывает сомнений тот факт, что «к числу наиболее универсальных языковых форм концептуализации и интерпретации знаний о мире ... следует отнести пространство и время» [Болдырев, 2018 с. 27]. По справедливому наблюдению В. А. Масловой, концепт «Пространство» «характеризует протяженность мира, его связность, непрерывность, структурность, многомерность ...» [Маслова, 2011, с. 88]. Выявление и анализ входящих в лексико-семантическую группу «Пространство» лексических единиц

«позволяет определить категорию пространства в качестве моделируемого компонента индивидуальной авторской картины мира» [Родина, 2021, с. 130]. Не вызывает сомнений тот факт, что «средства репрезентации данного концепта отражают субъективные особенности восприятия этого феномена автором и объективируют его индивидуальную картину мира» [Родина, 2020, с. 130], поскольку пространственные отношения в анализируемых рассказах первого прозаического сборника И. А. Бунина напрямую связаны с мироощущением автора.

В центре нашего научно-исследовательского интереса находятся ранние рассказы писателя-неореалиста И. А. Бунина, составившие «первую книгу его прозы «На край света»» [Афанасьев, 1966, с. 20], отличающиеся «лирической манерой повествования, ... мозаичностью, кадрованием картин действительности» [Роговер, 2005, с. 11]. В неё вошли произведения, объединенные общностью тематики, суровой и безрадостной по своему содержанию, раскрывающей специфику «жизни помещиков и крестьян» [Афанасьев, 1966, с. 20]: «Деревенский эскиз («Танька»), «Святая ночь» («На чужой стороне»), «Кастрюк», «Фантазер» («На хуторе»), «Неожиданность» («Вести с родины»), «На край света», а также «Тарантелла» («Учитель»), «На Донце» («Святые горы») и «На даче» [Афанасьев, 1966, с. 25]. Наше внимание акцентировано на трех из них, объединенных общностью принципа номинации, представляющей предположительно-падежную форму имени существительного в П. п. и полисемичного предлога «на», употребляющегося в соответствии со словарным значением «при обозначении места» [Ожегов, 1986, с. 316].

Как мы видим, семантика заглавия рассказов «На чужой стороне», «На хуторе» и «На Донце» актуализирует пространственный компонент авторской языковой картины мира, в дальнейшем в тексте произведений последовательно реализующийся в системе лексических средств репрезентации пространственного континуума, который и является объектом нашего исследования. Предмет научно-исследовательского интереса составляет лингвокогнитивная модель концепта «пространство» как компонента авторской языковой картины мира. Цель исследования состоит в выявлении и анализе средств лексической репрезентации пространственного континуума в ранних рассказах И. А. Бунина и поэтапно реализуется в совокупности задач, предполагающих исследование текстовых фрагментов, репрезентирующих пространственный континуум как компонент авторской языковой картины мира, выявление методом сплошной языковой выборки лексем с пространственной семантикой, их статистический подсчет и лингвостилистический и лингвокогнитивный анализ.

2. Пространственный континуум как компонент авторской языковой картины мира (на материале рассказа И. А. Бунина «На чужой стороне»)

Основным принципом построения пространственного континуума в рассказе «На чужой стороне» является антитеза, которая реализуется в ряде частных оппозиций. Перечислим их: беспорядочная жизнь (реальность) — небо (Вечность), чужая сторона — родина, здесь — там, вокзал — пространство за пределами вокзала (город). Безусловно, основное внимание в этом рассказе автор, исходя из семантики заглавия, уделяет раскрытию пространственной оппозиции «чужая сторона — родина».

В соответствии с сюжетом герои рассказа, проезжие мужики, в ожидании поезда вынуждены задержаться на вокзале накануне большого церковного праздника. Они в поисках заработка покинули *родные места — голодающую губернию*, чтобы найти работу *на чужой стороне, в неизвестных степных местах* [Бунин, 2018, с. 19], *в низах* [Бунин, 2018, с. 19], *на станции Харцызской* [Бунин, 2018, с. 19]. Данные пространственные номинации являются контекстуальными синонимами. Несмотря на актуализируемый заглавием топос «на чужой стороне», пространство чужой стороны лишь намечено пунктирно, что вполне понятно, поскольку это место, ещё неизвестное и оттого пугающее. Крестьяне, направляющиеся туда, робко надеются на то, что поездка не обманет их надежд. Примечательна характеристика Харцызской, которая дается через наречную лексему *впереди*, именное словосочетание *полная неизвестность* и систему вопросов: «... и где эта Харцызская, когда они приедут туда и какая будет работа ..?» [Бунин, 2018, с. 20]. Обращает на себя внимание атрибутивная характеристика *чужая* в первом словарном значении ‘не собственная, принадлежащая другим, не своя’ [Ожегов, 1986, с. 770], в тексте употребляемая еще дважды: в том же значении в словосочетании *под чужим небом* и во втором словарном значении ‘не родной, не из своей семьи, посторонний’ [Ожегов, 1986, с. 770] в словосочетании *среди чужих людей* [Бунин, 2018, с. 19]. Эта лексема одновременно передает тревожное ожидание будущего и робкую надежду мужиков на получение заработка. Вынужденная задержка в пути актуализирует пространство станции, которая соединяет два полярных, антонимичных по семантике топоса: родные места и чужую сторону — и репрезентируется в рассказе лексемой *вокзал* и обозначениями атрибутов этой реалии, а также лексемами *поезд, паровоз*, вводящими в повествование мотив дороги. Пространство станции, на которой мужики находятся, детализировано в тексте рассказа подробнее всего (именно на него смещается содержательный акцент), хотя в целом оно

вполне типично и создается за счет системы пространственных топосов, традиционно характеризующих станцию.

Довольно детально воссоздается образ вокзала, который конкретизируется преимущественно предложно-падежными формами имен существительных с пространственным значением (лексемой *вокзал* (4) и производными от неё, а также словами *платформа* (3), *зала* (4), *паровоз* (2), *поезд* (2), *вагон* (2)): *на вокзале не было обычной суматохи* [Бунин, 2018, с. 18], *в окнах вокзала ... трепетали огни восковых свечей* [Бунин, 2018, с. 21], *контуры вокзальных крыш* [Бунин, 2018, с. 20], *вокзальные пристройки, где светились окна* [Бунин, 2018, с. 20], *полутемная зала третьего класса* [Бунин, 2018, с. 19], *зала третьего класса наполнялась служащими* [Бунин, 2018, с. 21], *и сразу стало светлее в зале* [Бунин, 2018, с. 21], *жадно и скорбно смотря в глубину освещенной залы* [Бунин, 2018, с. 21], *на конце длинной платформы* [Бунин, 2018, с. 19], *мужики стояли на платформе* [Бунин, 2018, с. 21], *прошел курьерский девятичасовой поезд* [Бунин, 2018, с. 18], *тянулся ... бесконечно длинный товарный поезд* [Бунин, 2018, с. 20], *лязгая колесами, прокатился мимо платформы паровоз* [Бунин, 2018, с. 20], *глядел на темную массу паровоза* [Бунин, 2018, с. 20], *вагоны дрогнули, подались назад* [Бунин, 2018, с. 20], *в темноте товарных вагонов* [Бунин, 2018, с. 20].

Несмотря на в целом мрачную тональность повествования, пространство станции наполнено звуками и красками, которые репрезентируются глагольными лексемами: *что-то завизжало, заскрипело* [Бунин, 2018, с. 20], *поезд ... сипел горячим паром* [Бунин, 2018, с. 20], — а также именными: *перекрещивались и мигали зеленые, синие и красные огоньки* [Бунин, 2018, с. 20], *паровоз осветил её красным отблеском растопленной печки* [Бунин, 2018, с. 20]. Семантически они также акцентируют мотив тревожного ожидания от поездки в *полную неизвестность* [Бунин, 2018, с. 20].

С образом поезда, как было отмечено выше, органично связан мотив дороги как некой пространственной скрепы, связывающей родные места с чужой стороной, а метафорически проецируемой на судьбы крестьян, героев рассказа и даже — в символически-обобщенном плане — на судьбу России, тревожные авторские рассуждения о её пути и плохо представляемом будущем.

В воспоминаниях мужиков, объединяющих их независимо от возраста и мировосприятия, возникает пространство родного села с его атрибутами: *мужицкие дворы* [Бунин, 2018, с. 21], *избы* [Бунин, 2018, с. 21], *церковь* [Бунин, 2018, с. 21]. Именно лексема *церковь* является определяющей в характеристике родного села. Она ассоциативно связывает родину му-

жиков со станцией, на которой они оказались в ожидании поезда в чужую сторону. Так в рассказ вступает пространство Вечности, которое вербализуется номинациями церковных праздников, Святых, атрибутов церкви и церковной службы (*свечи, воск и т. д.*). Это пространство несет важную семантическую нагрузку. Святая ночь дает героям (крестьянам) возможность на короткое время забыть о голоде и нищете, просветлеть духом и приобщиться к Богу: *«Они опустили на колени и торопливо крестились, то надолго припадая лбами к порогу, то жадно и скорбно смотря ... на огни и иконы, подняв свои худые лица с пепельными губами, свои голодные глаза ... — Воскресни, Боже, Суди земли!»* [Бунин, 2018, с. 21]. Обращает на себя внимание, что первоначальное название рассказа «Святая ночь» акцентировало пространство Вечности, связанное в сознании героев с верой в Бога, с почитанием христианских праздников.

Так, в произведении создан образ внешнего пространства, центральными топосами которого являются «родное село», «чужая сторона», «станция», репрезентируемые системой лексических средств, важное место среди которых принадлежит предложно-падежным формам имен существительных с пространственным значением и глагольным лексемам со значением движения и перемещения в пространстве.

Заданные в этом рассказе принципы и средства организации пространственного континуума найдут свою реализацию в других произведениях, где они будут расширены и детализированы автором. Особенностью изображения пространства в этом рассказе является его схематичность и максимальная обобщенность. Примечательно, что здесь намечается и внутреннее пространство, которое займет важное место в рассказах «На хуторе» и «На Донце», возникающее в воспоминаниях и мыслительном дискурсе героев и актуализирующее образ родного села.

Обобщая сказанное, считаем возможным графически изобразить пространственный континуум произведения в виде следующей схемы (рис. 1).

Традиционно родина ассоциируется с образом дома, который организует пространство микромира человека, защищающее его от внешней среды. Как нами было отмечено выше, лексема *изба* репрезентирует пространство родного села, но лишь схематично, в отличие, в частности, от рассказа «На хуторе», где лексема *дом* играет важную роль в создании топоса «усадьба», одного из ключевых в пространственной организации произведения. Важная роль в рассказе «На чужой стороне» принадлежит мотиву дороги, сквозному для всех анализируемых нами ранних рассказов писателя, имеющему как внешний, так и символически-обобщенный смысл и план выражения.

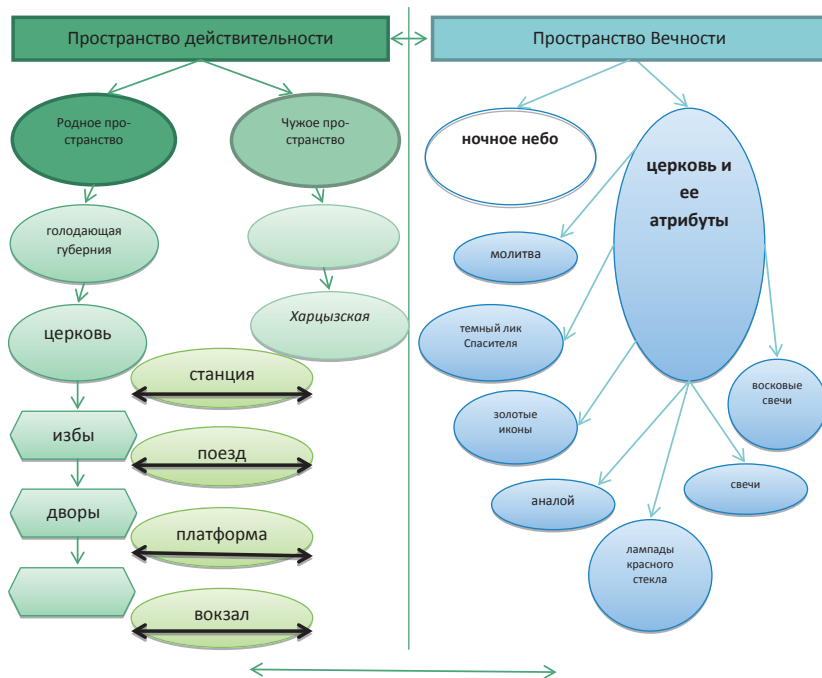

Рис. 1. Пространственный континуум рассказа И. А. Бунина «На чужой стороне»

3. Лингвокогнитивная модель пространства в рассказе И. А. Бунина «На хуторе»

Рассказ И. А. Бунина «На хуторе» эгоцентричен. Все повествование в нем стянуто к образу главного героя, мелкопоместного дворянина Капитона Иваныча. В основе создания пространственного континуума этого произведения, как и предыдущего, лежит принцип противопоставления, реализующийся в первую очередь в оппозиции «реальное (земное) пространство — Вечность, Космос». Автор, без сомнения, акцентирует внимание на описании первого компонента данной пространственной дихотомии, то есть пространства действительности, которое условно представляется возможным разделить на внешнее, окружающее героя, и внутреннее, присутствующее в его воспоминаниях и размышлениях. Сквозь призму мыслительного дискурса персонажа проступает пространство его детства, родное пространство, которое проецируется на современную Капитону Иванычу жизнь. Следуя тому же, что и в предыдущем рассказе, принципу изображения действительности, И. А. Бунин актуализирует из всего ху-

торского пространства топос «усадьба», раскрывающийся на пересечении двух временных осей: детства, когда герой приезжал сюда в гости к тетке, и современной действительности, в которой это *«именнице досталось ему»* [Бунин, 2018, с. 22] по наследству, в соединении двух пространственных локусов: внешнего, окружающего героя, и внутреннего, возникающего в его мыслительном дискурсе. Эти две проекции и актуализируют лексему *усадьба* как ядерную при концептуальном анализе пространства в данном рассказе: *«Усадьба его стояла на горе...»* [Бунин, 2018, с. 22]. Таким образом, выделяется местоположение усадьбы — на горе, внизу которой располагается деревня, что подчеркивает обособленность имения Капитона Иваныча. При этом писатель снова не дает никаких географических и топонимических ориентиров его расположения. Пространственные координаты максимально обобщены. Являясь ядром концепта «Пространство», «усадьба» довольно подробно прорисована автором. В создании её замкнутого пространства преимущественно участвуют предложно-падежные формы имен существительных, а также глаголы со значением движения и перемещения в пространстве, вербализуемые лексемами *идти* и производными от неё (7), *брести* (2), *ехать* (2): *Ему хотелось куда-то пойти* [Бунин, 2018, с. 23], *да и идти не с кем* [Бунин, 2018, с. 23], *никогда не приду и не сяду на этом бугре* [Бунин, 2018, с. 24], *а потом они вышли бы из дома и пошли рядом полевой дорогой* [Бунин, 2018, с. 23], *вышел из дома*, [Бунин, 2018, с. 23], *не спеша пошел за каретный сарай* [Бунин, 2018, с. 24], *когда он приезжал домой из города* [Бунин, 2018, с. 23], *на дрожжах ехал по большой дороге* [Бунин, 2018, с. 24], *он бродил по залу* [Бунин, 2018, с. 23], *представляет себя как другого человека, шагающего в полусвете старинной залы, человека, который бродит один-оденешенек* [Бунин, 2018, с. 23], а также немногочисленные наречные лексемы: *шел вниз* [Бунин, 2018, с. 22], *Там открыты окна* [Бунин, 2018, с. 23], *прямо туда, где далеко-далеко брезжит свет заката* [Бунин, 2018, с. 23] и под.

Топос «усадьба» детализируется автором преимущественно за счет использования лексем:

— *дом* (6) и производных от неё: *Детство и отрочество он провел в доме сумасшедшей тетки* [Бунин, 2018, с. 22], *А потом они вышли бы из дома* [Бунин, 2018, с. 23], *Капитон Иваныч встал и пошел по дому* [Бунин, 2018, с. 23], *Восемьдесят лет домику!* — думал Капитон Иваныч [Бунин, 2018, с. 23], *Он взял картуз и вышел из дому* [Бунин, 2018, с. 23], ... *когда он приезжал домой, из города* [Бунин, 2018, с. 23]. Пространство дома прорисовано в общих чертах упоминанием тех мест, которые до сих пор хранятся в памяти героя и имеют для него большое значение. Точнее, это одно место — *зала* (4), где стояло старинное фортепиано, на котором

тетка «с безумной страстью» играла «Полонез Огинского». Звуки этого музыкального произведения из памяти Капитона Иваныча не стерло время: в *зале стоят старинные фортепианы* [Бунин, 2018, с. 23], *Шагая по зале, он чувствовал себя как-то неловко* [Бунин, 2018, с. 23], *он бродил по залу* [Бунин, 2018, с. 23], в *полусвете старинной залы* [Бунин, 2018, с. 23]. Зала противопоставлена всем остальным комнатам: *Шаги его отдавались по комнатам* [Бунин, 2018, с. 23]. Примечательно, что в этом рассказе появляется пространство дома, которое традиционно считается продолжением внутреннего пространства человека [Маслова, 2011]. И, нужно подчеркнуть, в его изображении Бунин вполне традиционен, понимая это пространство как своё, родное, отгороженное от внешнего мира и выполняющее функцию защиты от него. В этом контексте актуализируется пространственная модель, в центре которой стоит человек; ближайшее к нему пространство можно назвать микрокосмом, органичной составляющей которого является дом, а по мере удаления от него формируется пространство макрокосма, внешнее, чужое, а иногда и враждебное.

Топос «усадьба» характеризуется совокупностью лексем с пространственным значением:

— сад (3): *из сада пахло лопухами* [Бунин, 2018, с. 23], *мягко благоухали сады* [Бунин, 2018, с. 23], *охваченной сочной свежестью сада* [Бунин, 2018, с. 23];

— двор (3): *на дворе было светлее* [Бунин, 2018, с. 23], *Свет зари ... слабо разливался по двору* [Бунин, 2018, с. 23], *он направился по двору к варку* [Бунин, 2018, с. 24];

— варок (2): *Капитон Иваныч только постоял у варка* [Бунин, 2018, с. 24];

— сарай (1): *не спеша пошел за каретный сарай* [Бунин, 2018, с. 24].

Обращает на себя внимание, что автор, описывая пространство усадьбы, предпочитает не давать атрибутивных характеристик её объектам, а лишь номинирует их.

На разном расстоянии от ядра расположена система периферийных средств создания пространственного континуума в рассказе, репрезентируемая рядом лексем. По частоте употребления и роли в организации пространственного континуума рассказа на первом месте стоит лексема *деревня* (3): *Темнело и в деревне* [Бунин, 2018, с. 22], *Ни одного огонька не светило на деревне* [Бунин, 2018, с. 23], *Свет зари, погасающей за деревней* [Бунин, 2018, с. 23]. Деревня противопоставлена усадьбе, таким образом, сформирована оппозиция «своё пространство — чужое», «микромир — макромир». Расположенная в противоположность усадьбе на равнине, деревня как пространственный топос детализируется автором

одной-единственной лексемой *избы*, а также лексемами, номинирующими ландшафтные особенности: *Одни оконца избы отсвечивали ... медным диском* [Бунин, 2018, с. 22], *поужинали на камнях перед избами* [Бунин, 2018, с. 22]. Примечательно, что автор не дает внешней характеристики избы, подчеркивая при их описании лишь одну деталь — «оконца» (3), которые выступают не только деталью избы, но и выполняют символическую роль границы дома, его связи с внешним миром: *Одни оконца избы отсвечивали* [Бунин, 2018, с. 22], *... сидя у поднятого окна* [Бунин, 2018, с. 22], *Там открыты окна* [Бунин, 2018, с. 23]. Окрестности деревни, репрезентируются лексемами *пруд, поле, равнины хлебов, лоцины, степь*: *с забытого пруда долетал иногда крик цапли* [Бунин, 2018, с. 23], *лягушки заводили в прудах ... звенящую музыку* [Бунин, 2018, с. 23]; *Он долго смотрел в далекое поле* [Бунин, 2018, с. 24], *будут мужики с перевернутыми сохами ехать с поля* [Бунин, 2018, с. 24], *очертания полей едва-едва обозначились* [Бунин, 2018, с. 24], *Поле молчало* [Бунин, 2018, с. 22]; *свет и неуловимый сумрак мешались над равнинами хлебов* [Бунин, 2018, с. 22]; *в мутно-молочном тумане дальних лоцин* [Бунин, 2018, с. 23], *в степи отчетливо выкрикивал ... перепел* [Бунин, 2018, с. 22]. Они характеризуют открытое пространство и представляют собой атрибутивные характеристики дороги от деревни до усадьбы, с равнины в гору.

Таким образом, в рассказе «На хуторе» автор акцентирует внимание на создании внешнего пространства, макрокосма, лингвокогнитивная модель которого была нами проанализирована. Пространству реальному в этом произведении так же, как и в предыдущем, противопоставлено пространство Вечности, которое репрезентируется лексемами *звезда* (7), *небо* (5) и *бесконечность* (1): *Звезды в небе трепетали скромно и таинственно* [Бунин, 2018, с. 22], *Звезды в небе светят так скромно и загадочно* [Бунин, 2018, с. 23], *Все спало под открытым звездным небом* [Бунин, 2018, с. 23], *... глядели целомудренные предутренние звезды* [Бунин, 2018, с. 23], *в темном небе вспыхнула и покатилась звезда* [Бунин, 2018, с. 24], *звезды, казалось, сияли выше* [Бунин, 2018, с. 24], *от ... мягкой темноты звездной бесконечности* [Бунин, 2018, с. 24], *долго смотрел в небо* [Бунин, 2018, с. 24]. Пространство Вечности ассоциативно связано с мыслительным дискурсом главного героя, вспоминаящего быстро промчавшуюся жизнь, размышляющего о красоте природы, бесконечности звездного неба и скоротечности по сравнению с ней человеческой жизни: *«Сколько лет представлялось, что вот там-то, впереди, будет что-то значительное, главное... И вот доходишь до такой поры, в которой, говорят, все кончается... долга или коротка жизнь? ... Тихо прожил, тихо и умру ... Как живо чувствовал он свое кровное родство с этой безмолвной*

природой!» [Бунин, 2018, с. 24]. Таким образом, во внутренней речи персонажа Вечность и действительность, символизирующие противоположные полюсы центральной пространственной оппозиции рассказа, оказываются органично связанными.

Пространственный континуум рассказа «На хуторе» считаем возможным представить в виде схемы (рис. 2).

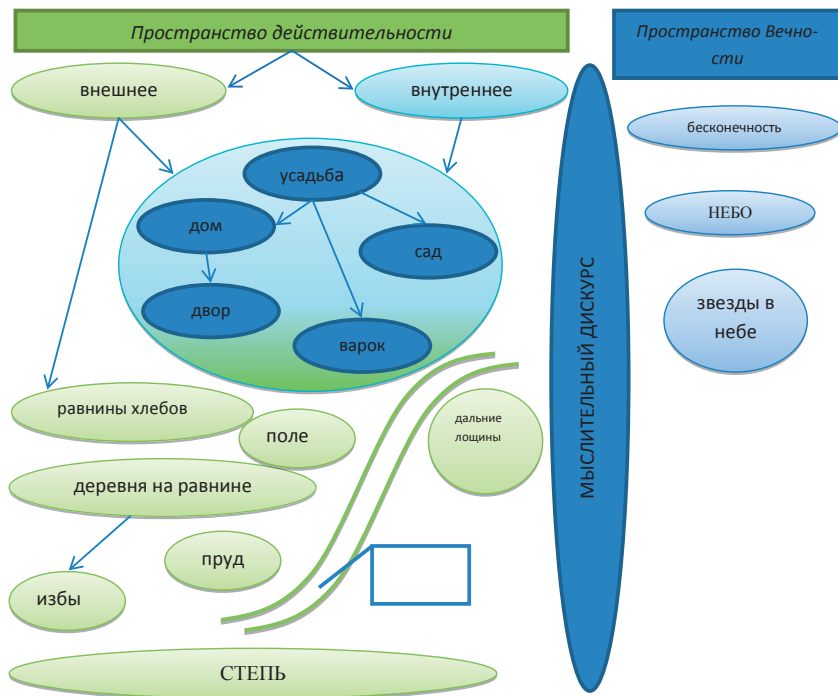

Рис. 2. Пространственный континуум рассказа И. А. Бунина «На хуторе»

4. Вербализация мотива пути в формате организации пространства в рассказе И. А. Бунина «На Донце»

Рассказ И. А. Бунина «На Донце» посвящен поездке писателя, состоявшейся весной 1895 года, в те места, которые были воспеты автором «Слова о полку Игореве». С начала этого произведения актуализируется мотив движения, пути, напрямую связанный с образом рассказчика, что является одной из особенностей изображения пространственного континуума рассказа. В отличие от двух предыдущих рассказов здесь четко прослеживается направление движения и даются его топонимические обозна-

чения: *Донец, Святые Горы, Славянск, Малый Тананс*. Одним словом, пространственные репрезентанты имеют географические и топонимические наименования, обозначая местонахождение предметов, рассказчика и его перемещения в пространстве. Большая их часть представлена составными наименованиями с предложно-падежными словоформами имен существительных. Конечная точка маршрута — Святогорский монастырь, в который рассказчик хочет попасть в Великую субботу и провести этот день там.

Центральным топосом произведения является упоминаемый в заглавии *Донец*, путь к которому и составляет основу сюжета рассказа. Данная лексема насчитывает 14 словоупотреблений: *Путь к Донцу ... пролегает на юго-восток* [Бунин, 2018, с. 33], *Побывать на Донце* [Бунин, 2018, с. 34], *Донец видел Игоря* [Бунин, 2018, с. 34], *откроется долина Донца* [Бунин, 2018, с. 34], *в голубой, огромной долине открылся Донец* [Бунин, 2018, с. 35], *Донец был в разливе* [Бунин, 2018, с. 35], *Донец скрылся за холмами* [Бунин, 2018, с. 35], *светлая полоса узкого Донца* [Бунин, 2018, с. 35], *Донец под Святыми Горами быстр и узок* [Бунин, 2018, с. 35], *Широкая тень стлалась по Донцу* [Бунин, 2018, с. 35], *вплавь переходят Донец люди* [Бунин, 2018, с. 36], *наперебой трезвонили над Донцом* [Бунин, 2018, с. 36], *как сверкали разливы Донца* [Бунин, 2018, с. 36], *по прозрачной воде Донца* [Бунин, 2018, с. 36]. Примечательно, что автор дает разностороннюю характеристику реке, вспоминая её славное историческое прошлое (*Донец видел князя Игоря и воспет «Словом о полку Игореве»*), местонахождение (*пролегает на юго-восток, под Святыми Горами*), размеры (*полоса Донца, узкий Донец*), качественную характеристику (*был в разливе, быстр, узок, прозрачная вода*). Вообще писатель неоднократно подчеркивает живописность данной местности, невольно притягивающей взоры. Сужая географические параметры, автор конкретизирует на Донце такой локус, как Святые Горы — монастырь, построенный здесь, на берегу реки, которая протекает внизу, под ним, и привлекающий к себе многочисленных паломников, одним из которых является и рассказчик. Важность этого топонима в пространственной организации произведения определяется уже тем фактом, что первоначальное заглавие рассказа «На Донце» было заменено И. А. Буниным на «Святые Горы», что явно сузило пространственную семантику заглавия и актуализировало иной топос. Топоним *Святые Горы* насчитывает в тексте 7 словоупотреблений: *к древнему монастырю на Святых Горах* [Бунин, 2018, с. 33], — *Да вы разве никогда не были на Святых Горах?* [Бунин, 2018, с. 34], *Донец под Святыми Горами быстр и узок* [Бунин, 2018, с. 35], *к ... монастырю на Святых Горах* [Бунин, 2018, с. 33], *до Святых Гор оставалось еще верст двадцать* [Бунин, 2018, с. 33], *откроется долина Донца и Горы* [Бунин,

2018, с. 34], — *Это дорога на Святые Горы?* — спросил я [Бунин, 2018, с. 34]. Синонимичными ему в рассказе выступают лексемы *монастырь* (10) и *обитель* (4): к *древнему монастырю* [Бунин, 2018, с. 33], *может быть, видел Игоря и Святогорский монастырь* [Бунин, 2018, с. 34], *Монастыря же все не было* [Бунин, 2018, с. 34], — *в монастырь*. — *Який монастырь?* [Бунин, 2018, с. 34], *в самом монастыре, в церкви* [Бунин, 2018, с. 34], — *А в монастыре?* [Бунин, 2018, с. 34], *монастырь ... не показывался* [Бунин, 2018, с. 35], *прибывало ... в монастырь все больше и больше людей* [Бунин, 2018, с. 36], *Путь ... к древнему монастырю* [Бунин, 2018, с. 33], *день мне хотелось провести в обители* [Бунин, 2018, с. 33], *стоит белокаменная обитель* [Бунин, 2018, с. 35], *по каменному двору обители* [Бунин, 2018, с. 35], *костры осады пылали под стенами обители* [Бунин, 2018, с. 36]. В описаниях монастыря автор подчеркивает его сопричастность историческому прошлому (*древний*), а также материал, из которого он построен (*каменный, белокаменный*). Территория Святогорского монастыря конкретизируется такими лексемами пространственного характера, как *церковка, собор, скиты, кельи, иноки, схимники*.

Особе внимание на пути следования к монастырю автор уделяет нескольким пространственным ориентирам: *кургану в поле, лесу, степи, горам, болоту*. Их важное место в пространственной модели рассказа определяется развернутыми описаниями, в которых, в отличие от предыдущих произведений, присутствуют атрибутивные характеристики этих топосов. Проанализируем текстовые фрагменты, включающие перечисленные номинации:

— *курган* (6) в *поле* (3): *Один сторожевой курган стоял вдалеке* [Бунин, 2018, с. 33], *За курганом блеснула круглая ложбина* [Бунин, 2018, с. 33], *Курган был дикий* [Бунин, 2018, с. 33], *Отдыхая, я долго лежал на кургане* [Бунин, 2018, с. 34], *в южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником* [Бунин, 2018, с. 34], *с молчаливых курганов* [Бунин, 2018, с. 36], *Передо мной серело пустынное поле* [Бунин, 2018, с. 33], *с полей уже тянуло теплом* [Бунин, 2018, с. 34], *среди ровных бесконечных полей* [Бунин, 2018, с. 36]. При описании кургана автор акцентирует внимание на важном для него историческом аспекте, демонстрирующем связь времен, преемственность поколений. Курган предстает величественным памятником старины, свидетелем славных исторических событий, позволяющим рассказчику, как и любому другому человеку, стать сопричастным истории Родины, проникнуться значимостью своей судьбы и своего назначения по пути в монастырь.

— *лес* (14): *Темнея пятнами лесов* [Бунин, 2018, с. 33], *Полоса леса серовато чернела вдали* [Бунин, 2018, с. 34], *за лесом-то и откроется*

долина Донца и Горы [Бунин, 2018, с. 34], *Лес оказался очень старым, заглохшим* [Бунин, 2018, с. 34], *над чащей леса сверкнул золотой купол церкви* [Бунин, 2018, с. 35], *залитых половодьем прибрежных лесов* [Бунин, 2018, с. 35], *мы въехали в лес* [Бунин, 2018, с. 35], *над сплошными луговыми лесами* [Бунин, 2018, с. 35], *белея в зелени леса* [Бунин, 2018, с. 35]; *Дико и глухо было тогда в первобытных лесах* [Бунин, 2018, с. 35], *Лес бесконечно синел* [Бунин, 2018, с. 35], *Лес глушил берега* [Бунин, 2018, с. 35], *все гулко отдавалось в лесах* [Бунин, 2018, с. 36], *темный бархат её лесов* [Бунин, 2018, с. 36]. В описаниях леса акцентируется внимание на таких его характеристиках, как труднопроходимость (*чаща леса, сплошной, было дико*), цвет (*темнеет, синееет, чернеет, зелень, серовато*), местоположение (*прибрежный*), размер (*полоса*), древность (*старый*).

— *степь* и производные от этой лексемы (6): *с утра в степи было по-весеннему холодно* [Бунин, 2018, с. 33], *в южных степях* [Бунин, 2018, с. 34], *в диких степных равнинах* [Бунин, 2018, с. 34], *Путь к Донцу ... пролегает ... на Азовские степи* [Бунин, 2018, с. 33], *в степи стало скучно* [Бунин, 2018, с. 35], *я уже опять шагал в степи* [Бунин, 2018, с. 36]. Степь привлекает внимание рассказчика как топос по пути следования в монастырь, поэтому вполне оправданно подчеркивается географическое положение степи (*Азовские, южные*), а также состояние, испытываемое рассказчиком в степи (*холодно, скучно*).

— *горы* (10): *рисовалась на горизонте гряда меловых гор* [Бунин, 2018, с. 33], *я пошел к крытым галереям, что ведут в гору* [Бунин, 2018, с. 35], *у подножия далеких меловых гор* [Бунин, 2018, с. 35], *И горы эти белели* [Бунин, 2018, с. 35], *у подошвы лесистой горы* [Бунин, 2018, с. 35], *стали спускаться под гору* [Бунин, 2018, с. 35], *Солнце медленно уходило за горы* [Бунин, 2018, с. 35], *первый человек этих гор* [Бунин, 2018, с. 35], *Я успел сходить на вершину горы* [Бунин, 2018, с. 36], *стал взбираться в гору* [Бунин, 2018, с. 36]. Горы привлекают внимание рассказчика своей живописностью, органичной вписанностью в ландшафт местности.

В описании всех вышеперечисленных топосов важным принципом пространственной организации является соединение двух проекций: прошлого и настоящего, на пересечении которых и вписываются в пространственный континуум произведения эти образы, что напрямую связано с размышлениями рассказчика на протяжении пути об историческом прошлом Родины и связи с ним каждого человека. Этот повествовательный принцип значительно расширяет как временные, так и пространственные рамки произведения.

Ключевым в сюжете рассказа является мотив пути, который во внутреннем плане осмысливается в аспекте духовного движения челове-

ка к Богу, к вере, а во внешнем — репрезентируется лексемой *дорога* и языковыми единицами, представляющими её различные атрибутивные характеристики, акцентирующими трудность пути к монастырю. Так возникает «расширительный смысл произведения, усиливается подтекст» [Михайлова 2010, с. 41]. Лексема *дорога* является вербализатором концепта ПРОСТРАНСТВО, воплощающегося также в ряде других номинаций природно-предметного мира в пределах видимой рассказчиком картины. Отличительной чертой изображения пространственного континуума в рассказе являются географические координаты — номинации сторон света, важные, по мнению автора, для описания пути в монастырь: *Путь к Доницу ... пролегает на юго-восток ...* [Бунин, 2018, с. 33]; *Путь ... к древнему монастырю ... пролегает на юго-восток ...* [Бунин, 2018, с. 33]; *на западе, ... рисовалась ... гряда меловых гор* [Бунин, 2018, с. 33]; *к югу разливались еще шире* [Бунин, 2018, с. 35]; *с юга надвигалась туча* [Бунин, 2018, с. 35]. Лексема *дорога* насчитывает в тексте такого небольшого рассказа 11 употреблений: *ветер просушивал колеи грязной дороги* [Бунин, 2018, с. 33], *Иногда дорогу затопляло* [Бунин, 2018, с. 34], *в грязи глубоких рывтин дороги* [Бунин, 2018, с. 34], *в пролете лесной дороги* [Бунин, 2018, с. 34], *я подходил с расспросами о дороге* [Бунин, 2018, с. 34], — *Это дорога на Святые Горы? — спросил я* [Бунин, 2018, с. 34], — *Так это дорога* [Бунин, 2018, с. 34], *дорога круто завернула влево* [Бунин, 2018, с. 35], *ветер начал пылить по дороге* [Бунин, 2018, с. 35], *Все круче, отвеснее становилась горная дорога, каменистая, узкая, живописная* [Бунин, 2018, с. 35], *каменистые берега дороги* [Бунин, 2018, с. 35]. Как мы видим из приведенных текстовых фрагментов, автором подчеркивается сложность перемещения по дороге к монастырю, акцентируется внимание на её *грязных колеях, глубоких рывтинах, крутизне, каменистом характере*. Перемещения рассказчика вербализуются глаголами со значением движения, преимущественно лексемами *идти* и *ехать* и производными от них, а также единичными употреблениями глагольных лексем *пробираться, обгонять*: *Я зашагал еще поспешнее* [Бунин, 2018, с. 34], *и нужно было идти поспешно* [Бунин, 2018, с. 33], *я с трудом пробирался по хворосту* [Бунин, 2018, с. 34], *Потом я обгонял идущий на богомолье народ* [Бунин, 2018, с. 35], *мы въехали в лес* [Бунин, 2018, с. 35], *я пошел к крытым галереям* [Бунин, 2018, с. 35], *Я успел сходить на вершину горы* [Бунин, 2018, с. 36].

Путь в Святогорский монастырь изображается на фоне весенней природы, создающей позитивный настрой у рассказчика и пробуждающей в его душе положительные эмоции, «доминирующей из которых является радость» [Пастух, 2009, с. 112]: ... *степь увлекала, завладевала душой,*

наполняла её чувством радости, свежести... [Бунин, 2018, с. 33], *Есть что-то чистое и веселое в этих полевых апрельских болотцах* [Бунин, 2018, с. 33], ... я закрывал глаза, *чувствуя себя бесконечно счастливым* [Бунин, 2018, с. 34]. Так в произведении появляется концепт «природа»: *ложбина, налитая весенней водой* [Бунин, 2018, с. 33], *белые облака весеннего неба* [Бунин, 2018, с. 33], *Солнце согрело меня* [Бунин, 2018, с. 34], в *ярком весеннем небе* [Бунин, 2018, с. 34], *весенней душистой грозы* [Бунин, 2018, с. 34], объединяющий в себе информацию с базовым уровнем, представленным лексемами «весна», «небо», «гроза», «лес» и под., а также «субординатным уровнем» [Чернова, 2015, с. 6], репрезентируемым лексемами «ложбинка», «болотце», «курган» и под. Отметим, что природный и предметный мир в рассказе звучит и визуализируется, что передано соответствующими звуковыми и колоративными лексемами, по частеречной принадлежности по преимуществу относящимися к глаголам, отглагольным существительным и именам прилагательным: *вьются звонкоголосые чибисы* [Бунин, 2018, с. 33], *жаворонки ... заливались безотчетно-радостными трелями* [Бунин, 2018, с. 34], *Резкий крик птицы, треск сучьев ... хриплый хохот кукушки и сумеречное уханье филина* [Бунин, 2018, с. 36], ... *по шороху и плеску воды* [Бунин, 2018, с. 36], *скрип телеги* [Бунин, 2018, с. 34], ... *шуришали по кустам* [Бунин, 2018, с. 36], *Птицы ... реяли вокруг, визжа, как старый флюгер* [Бунин, 2018, с. 36]; в *прозрачной воде отражается ясная лазурь* [Бунин, 2018, с. 33], *белые облака* [Бунин, 2018, с. 33], *седой ковыль ... покачивался* [Бунин, 2018, с. 33], *сверкал золотой купол церкви* [Бунин, 2018, с. 34], ... *серело пустынное поле* [Бунин, 2018, с. 33], *Темнея пятнами лесов, как старинное серебро черню* [Бунин, 2018, с. 33] и т.д.

В этом рассказе так же, как и в предыдущих, представлено пространство Вечности, репрезентируемое лексемами *небо* (8), *облака* (2), *церковь* (4) и её атрибутами: *Белые облака весеннего неба* [Бунин, 2018, с. 33]; ... в *ярком весеннем небе белые облака* [Бунин, 2018, с. 34]; ... *делая даль бесконечной* [Бунин, 2018, с. 34]; ... *возносились зелеными кронами к голубому небу* [Бунин, 2018, с. 35]; *Небо ... казалось еще глубже и невиннее, и чистая, как это небо, радость наполняла душу* [Бунин, 2018, с. 35]; ... *рисуется в небе другая* [Бунин, 2018, с. 35]; *Туча с юга заволокла все небо* [Бунин, 2018, с. 36]; *сверкал золотой купол церкви* [Бунин, 2018, с. 35], *ютится старинная церковь* [Бунин, 2018, с. 35], ... *под карнизами церкви* [Бунин, 2018, с. 36], ... *стремилась к небу белая церковка* [Бунин, 2018, с. 36]. Пространство Вечности актуализируется вторым названием рассказа «Святые Горы», органично переплетаясь с пространством действительности, как современной герою, воссоздающей его путешествие

в Святогорский монастырь, так и исторической перспективы, возникающей в его воспоминаниях.

Пространственную организацию рассказа «На Донце» представим в виде схемы (рис. 3).

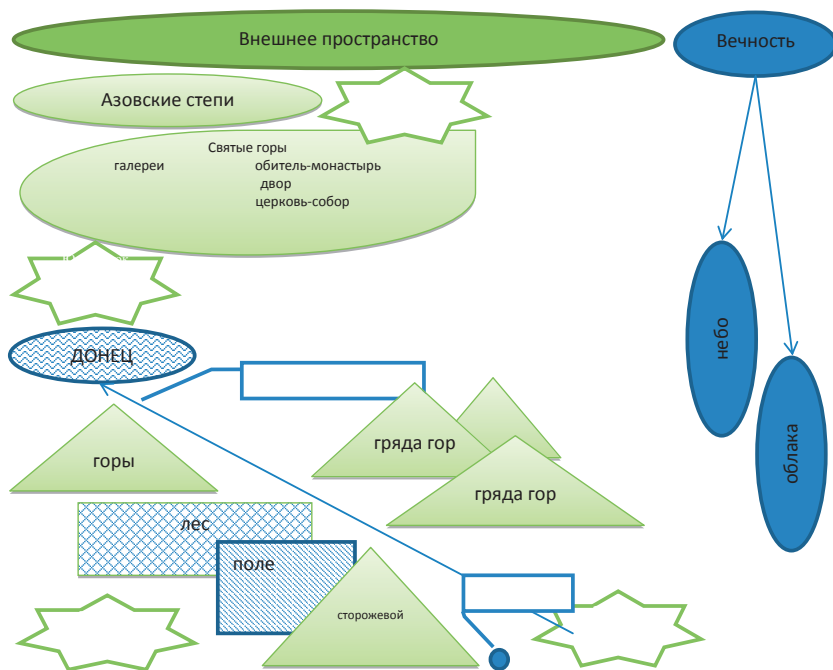

Рис. 3. Пространственный континуум рассказа И. А. Бунина «На Донце»

Таким образом, пространственный континуум произведения, в отличие от двух проанализированных выше, дает наиболее полное представление о принципах и способах создания концепта «Пространство» как компонента авторской языковой картины мира. В этом рассказе аккумулируются как уже типичные для писателя средства лексической репрезентации внешнего и внутреннего пространства, пространства действительности и Вечности, так и появляются новые, детализирующие пространственную модель.

5. Заключение

Таким образом, лексический анализ пространственного континуума как компонента авторской языковой картины мира трех рассказов

И. А. Бунина «На чужой стороне», «На хуторе» и «На Донце» позволили определить особенности и специфику создания пространственной модели в ранней прозе писателя. Выявляя общие универсалии в способах и средствах лексической репрезентации категории пространства, представляется возможным утверждать о лежащем в их основе принципе антитезы, реализующемся в ряде последовательных структурно-семантических оппозиций. Самой крупной из них является противопоставление действительности (реального, земного мира) и Вечности (Космоса). В свою очередь, мир земной делится на близкое героям (микрокосм) и далекое, чужое (макркосм) пространство, каждое из которых имеет свои средства репрезентации. Так близкое пространство в рассказах вербализуется системой лексических средств, представленных преимущественно предложно-падежными формами имен существительных с пространственным значением и глаголами со значением движения, перемещения в пространстве, гораздо реже — наречными лексемами.

Важная роль в создании пространственного континуума принадлежит лексеме *дорога*, являющейся пространственной скрепой, соединяющей разнообразные топосы, а также метафорически проецируемой на судьбы героев рассказов и в символически-обобщенном плане — на судьбу, исторический путь России.

Пространству действительности противопоставлено пространство Вечности, репрезентируемое лексемами, номинирующими церковные праздники, Святых, а также небо, звезды, даль, бесконечность как довольно традиционные в русской литературе атрибуты Вечности.

Нельзя не отметить схематичность в построении пространственной модели, редкое употребление (пожалуй, за исключением последнего рассказа) топонимических единиц, отсутствие подробностей и прорисованных деталей.

В качестве пространственных репрезентантов в проанализированных рассказах выступают топонимические, географические номинации, физические и ментальные, создающие горизонтальную и вертикальную пространственные плоскости. Они обозначают объекты природно-предметного мира и местонахождение героев, их перемещения в пространстве и направление этого движения.

Результатом проведенного исследования явилась характеристика средств лексической репрезентации пространственного континуума как важного компонента авторской языковой картины мира, выявление их специфики и индивидуального своеобразия в ранних рассказах И. А. Бунина. Лингвостилистический и лингвокогнитивный анализ позволил обосновать уникальность авторской пространственной модели, воплотившей «объ-

«активно-субъективное представление автора о пространстве» [Бабенко, 2009, с. 96]. На основе проведенного анализа рассказов И. А. Бунина «На чужой стороне», «На хуторе», «На Донце» представим их пространственный континуум (рис. 4).

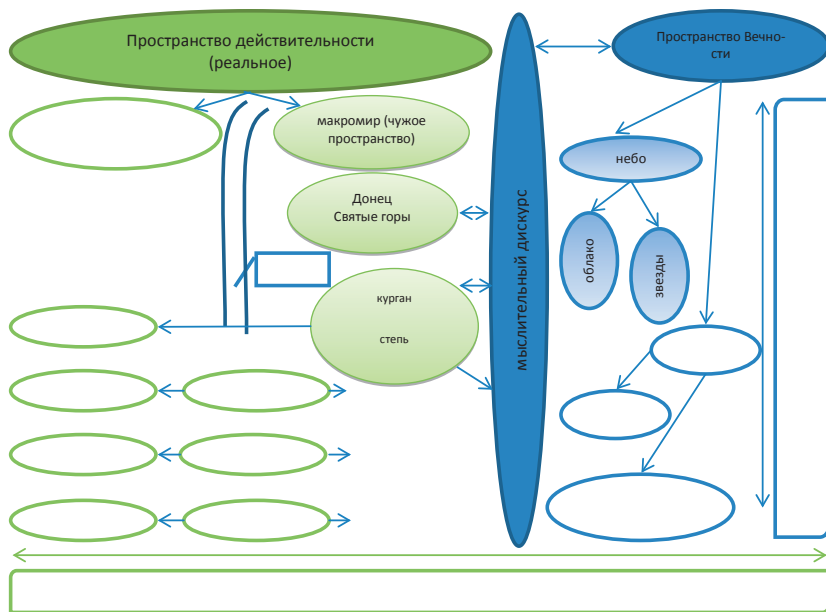

Рис. 4. Пространственный континуум рассказов И. А. Бунина

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев В. И. А. Бунин: Очерк творчества / В. Афанасьев. — Москва : Провещение, 1966. — 383 с.
2. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко. — Москва : Флинта : Наука, 2009. — 496 с.
3. Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 1 (42). — С. 5—12.
4. Болдырев Н. Н. Антропоцентризм пространства и времени как форм языкового сознания / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. — Вып. 32. — 2018. — С. 26—35.
5. Бунин И. А. Полное собрание рассказов в одном томе / И. А. Бунин. — Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2018. — 117 с.
6. Дубова М. А. Концепт «Мыслительная деятельность» как компонент языковой личности героя в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» / М. А. Дубова // Неофило-

логия. — 2021. — Т. 7, № 27. — С. 444—252. — DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-27-444-452.

7. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — Москва : Филол. фак. МГУ, 1996. — 245 с.

8. *Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие / В. А. Маслова. — 5-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2011. — 296 с.

9. *Михайлова М. В.* И. А. Бунин / М. В. Михайлова // *Русская литература XIX—XX веков* : в 2 т. Т. 2 : *Русская литература XX века. Литературоведческий словарь / науч. ред. Б. С. Бугров, М. М. Голубков.* — 10-е изд. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2010. — С. 38—92.

10. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка : ок. 57000 слов / С. И. Ожегов. — 18-е изд., стереотип. — Москва : Русский язык, 1986. — 797 с.

11. *Пастух А. А.* Эмоциональная сфера автора в рассказе И. А. Бунина «Святые Горы» / А. А. Пастух // *Вестник ВятГУ.* — 2009. — № 4. — С. 111—114. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-sfera-avtora-v-rasskaze-i-a-bunina-svyatye-gory> (дата обращения: 21.07.2021).

12. *Роговер Е. С.* *Русская литература XX века : учебное пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений* / Е. С. Роговер. — Санкт-Петербург : САГА ; Москва : ФОРУМ, 2004. — 493 с.

13. *Родина Ю. Д.* Языковая личность персонажа в автобиографической прозе А. Белого (на материале романа «Котик Летаев») : дис. ... канд. филол. наук / Ю. Д. Родина. — Елец, 2020. — 230 с.

14. *Степанов Ю. С.* Язык и метод к современной философии языка. Языки русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — 784 с.

15. *Чернова Л. А.* Концептуальное содержание рассказа А. П. Чехова «На подводе» / Л. А. Чернова // *Когнитивная лингвистика: мироощущение персонажа в русской прозе рубежа XIX—XX вв. : сборник статей, посвященный 75-летию доктора филологических наук, профессора Любви Афанасьевны Черновой.* — Коломна : Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2015. — С. 4—10.

16. *Яковлев А. А.* Языковая картина мира как лингвистическое понятие : обзор российских публикаций последних лет / А. А. Яковлев // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* — 2017. — № 2. — С. 5—20.

REFERENCES

- Afanas'yev, V. I. (1966). *A. Bunin: Essays on creativity*. Moscow: Prosveshchenie. 383 p. (In Russ.).
- Babenko, L. G.m (2009). *Linguistic analysis of literary text*. Moscow: Flinta; Nauka. 496 p. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2015). Anthropocentric nature of language in its functions, units, and categories. *Issues of cognitive linguistics, 1 (42)*: 5—12. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2018). Anthropocentricity of space and time as forms of linguistic construal of the world. *Cognitive studies of language, 32*: 26—35. (In Russ.).
- Bunin, I. A. (2018). *Complete collection of stories in one volume*. Moscow: ALFA-KNIGA. 117 p. (In Russ.).
- Chernova, L. A. (2015). Conceptual content of the story of A. P. Chekhov “On the cart”. In: *Cognitive linguistics: a character's attitude in Russian prose at the turn of the*

- 20th century: a collection of articles dedicated to the 75th anniversary of Doctor of Philology, Professor Lyubov Afanasyevna Chernova.* Kolomna: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy sotsialno-gumanitarnyy institut. 4—10. (In Russ.).
- Dubova, M. A. (2021). The concept of “mental activity” as a component of the hero’s linguistic personality in the novel by I. A. Bunin’s “Life of Arseniev”. *Neophilology*, 7 (27): 444—252. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-27-444-452. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S., Dem’yankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). *A Concise Dictionary of Cognitive Terms*. Moscow: Faculty of Philology, Moscow State University. 245 p.
- Maslova, V. A. (2011). *Introduction to Cognitive Linguistics: A Study Guide*. (5th ed.). Moscow: Flinta; Nauka. 296 p. (In Russ.).
- Mikhaylova, M. V. (2010). I. A. Bunin. In: *Russian literature of the XX—XX centuries. Russian literature of the XX century. Literary Dictionary*. (10th ed.). Moscow: Moscow State University Publishing House. 2/2. 38—92. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I. (1986). *Dictionary of the Russian language: 57000 words*. (18th ed.). Moscow: Russkiy yazyk. 797 p. (In Russ.).
- Pastukh, A. A. (2009). The emotional sphere of the author in the story of I. A. Bunin “The Holy Mountains”. *Herald of Vyatka State University*, 4: 111—114. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-sfera-avtora-v-rasskaze-i-a-bunina-svyatyte-gory> (accessed 21.07.2021). (In Russ.).
- Rodina, Yu. D. (2020). *The linguistic personality of the character in the autobiographical prose of A. Bely (based on the novel “Kotik Letaev”): PhD Diss.* Elets. 230 p. (In Russ.).
- Rogover, E. S. (2004). *Russian literature of the twentieth century: textbook*. St. Petersburg: SAGA; Moskva: FORUM. 493 p. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1998). *Language and Method to Modern Philosophy of Language. Languages of Russian culture*. Moscow: Yazyki russkoy kultury. 784 p. (In Russ.).
- Yakovlev, A. A. (2017). Language worldview as a linguistic notion: review of recent Russian works. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2: 5—20. (In Russ.).